

ТЕНЬ НАД МАРЕНОВЫМ БОРОМ

ВАЛЕНТИНА САДЫКОВА

Валентина Садыкова

Тень Над Мареновым Бором

«Автор»

2026

Садыкова В. С.

Тень Над Мареновым Бором / В. С. Садыкова — «Автор», 2026

Древний Маренов Бор никогда не спал. На границе между человеческой деревней Наволоки и темным царством Нави тонкой нитью держится хрупкий покой. После смерти старой знахарки этот рубеж остается без защиты, и мертвые приходят просить свою дань. Радмира — сирота, унаследовавшая от бабки опасный дар видения и кровь, пахнущую полынью и древними заговорами. Чтобы спасти свою деревню от спустившейся из чащи тьмы, она вынуждена ступить на проклятую землю и отдаться во власть Яромира — проклятого Князя Нави. Однако каплей горячей знахарской крови и чистотой жертвенной любви Радмира пробуждает застывшее сердце лесного хозяина. Вспыхнувшее между ними чувство грозит разрушить вечный миропорядок. Когда из бездны поднимается забытое Черное Лихо, а сама Ткачиха Судеб Недоля берет в руки костяные ножницы, любовникам придется решить: готовы ли они пройти сквозь Смоляную Реку и отдать простую смертную жизнь ради права быть вместе на грани Света и Тьмы.

© Садыкова В. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Валентина Садыкова

Тень Над Мареновым Бором

Глава

Часть I. Шепот полыни и костей

Лес за деревней Наволоки никогда не спал. Он не шумел ласковым сосновым гулом, как те светлые дубравы, о которых поют слепые гусяры на ярмарках. Этот бор дышал тяжелым, сырым холодом, пропитанным прелью, вереском и гнилым торфом. Местные старики шептались, что между избами и черным чащобами граница тонка, точно промасленный холст: шагнешь не в тот час за околицу — и провалишься прямо в Навь, где царит Недоля, а кости умерших без покаяния поют вместе с ночным ветром.

Радмира знала этот страх. Она выросла в нем.

Ее бабка, старая знахарка Вышата, говаривала:

— Не смотри, девка, в темные окна после захода солнца. И на зов, что из лесу кликает твоим именем, никогда не отзывайся. Кличут не живые. Кличут те, кому твое тепло нужнее, чем земля под ногами.

Но Радмира смотрела. Каждую ночь, когда деревянные ставни починали скрипеть под порывами осеннего ветра, она прижималась лбом к шероховатому, студеному бревну стены и всматривалась в непроглядную тьму за плетнем. Там, в чаще, между искривленными, точно в судороге, березами, горели бледные, фосфоресцирующие огоньки. Они плавали в воздухе, словно слезы утопленниц.

Сегодня была ночь Навьего заговенья — время, когда мертвые приходят просить горсть зерна и каплю свежей крови, чтобы согреть застывшие жилы. В Наволоках в эту ночь не зажигали лучин. Деревня вымирала. Люди забивались под лавки, обкладывали пороги связками сушеной полыни и чертополоха, прижимали к груди деревянные обереги с резом Сварожьего круга и молились, чтобы темные боги прошли мимо.

Радмира сидела у остывающей печи. В горнице пахло сушеными зверобоем, чабрецом и воском. Бабка Вышата ушла три дня назад — тяжело занемогла, слегла и тихо угасла перед самым Покровом, оставив внучку один на один с домом, печами и тяжелым знахарским наследием, от которого шарахались деревенские.

Внезапно ветер за окном стих. Наступила мертвая, звонкая тишина — такая бывает только перед снегопадом или когда к порогу подступает нечто, принадлежащее иному миру.

Тук. Тук. Тук.

Стук был не в дверь. Стучали в оконную раму — сухим, деревянным щелчком, словно кто-то прикладывал к стеклу и слюде сустав пальца, лишённого плоти.

Радмира замерла, сжав в кулаке серебряный перстень — единственное вено, оставшееся от матери. Сердце колотилось в горле, гоняя по жилам горячую, испуганную кровь.

— Радмира... — раздался за окном голос.

Он не был громким. Это был шелест сухой травы, хруст наста под тяжелым шагом, вздох заброшенного колодца. Голос позвал ее по имени, тревожа самые глубокие, потаенные струны души. В нем не было человеческой теплоты, но была такая древняя, бездонная тоска, что у девушки перехватило дыхание.

— Не отзывайся, — прошептала она себе, смыкая веки. — Не смотри.

— Открой, Рада... Кровь к крови тянется. Твоя бабка дань платила. Теперь твой черед.

Радмира открыла глаза. Против воли, повинаясь какому-то темному, властному зову, она поднялась с лавки. Ноги казались налитыми свинцом. Каждая половица под ее босыми ступнями скрипела как проклятие, но она шла к окну.

Она отодвинула тяжелый домотканый занавес.

За слюдяным окошком, в белесом тумане, стоял мужчина. И он был не из этого мира.

Высокий, плечистый, обернутый в тяжелый, темный плащ из волчьего меха, побитого инеем. Его лицо казалось высеченным из мрамора — бледное, с резкими скулами и губами цвета запекшейся крови. Но самым страшным были его глаза. В них не было зрачков: они горели ровным, серебристо-дымчатым светом, как полная луна, скрытая за грозовой тучей.

Это был Яромир — Князь Нави, Черный Хозяин Маренова Бора, о котором в деревне слагали жуткие сказки. Сказки, которыми пугали детей, чтобы те не бегали в лес. Говорили, что пятьсот лет назад он отдал свою душу Марене — богине смерти и зимы, — чтобы спасти свой род от Мора, и с тех пор был проклят вечно скитаться на грани миров, не зная ни покоя, ни смерти, ни любви.

— Ты пришла, — промолвил он, и его голос отозвался дрожью в ее груди. — Не испугалась, видящая.

— Бабка умерла, — выговорила Радмира, с трудом проталкивая слова сквозь сжатое горло. — Дани больше не будет. Уходи.

Хозяин Бора чуть наклонил голову. Вуаль тумана вокруг него зашевелилась, принимая очертания длинных, тонких теней, похожих на скрюченные пальцы.

— Дать платит не тот, кто уходит в землю, а тот, кто остается над ней, — тихо произнес он. — Вышата держала грань. Она отдавала мне травяной сок, воск и свою силу, чтобы мои слуги — ночницы да навеи — не переступали порог Наволок. Теперь грань истончилась. Ты осталась одна, Радмира. Твоя кровь пахнет полынью и старыми заговорами. Ты должна занять ее место.

— Я никому ничего не должна! — с отчаянием вспыхнула девушка, и в этот миг в ней заговорила гордость древнего рода знахарей. — Я не буду служить Нави!

Яромир шагнул ближе к окну. Слюда пошла трещинами, покрываясь узорами ледяного инея. Через щели в горницу ворвался леденящий дух — запах снега, старого воска и тлена.

— Ты уже служишь ей, дева, — с мрачной, едва уловимой усмешкой сказал он. — Разве ты не чувствуешь, как твоя собственная сила рвется наружу? Разве не видишь мертвых, что стоят сейчас за моей спиной?

Радмира перевела взгляд за его плечо и онемела.

За спиной Князя Нави, прямо в палисаднике, среди пожухлых стеблей мальв, стояли десятки бесплотных фигур. Прозрачные, изъеденные серой тенью, они тянули к окну свои прозрачные руки. Среди них она увидела утопленницу Настеньку, пропавшую в прошлом году на Русальную неделю, и старого кузнеца Свирида, замерзшего в метель. Они молча молили о тепле.

— Если ты не выйдешь ко мне до того, как петухи пропоют первыми, — прошептал Яромир, и его серебряные глаза полыхнули тьмой, — я отступлю. Но они зайдут в каждый дом этой деревни. И к утру в Наволоках не останется ни одного живого сердца. Выбирай, видящая. Твоя свобода... или их жизни.

Часть II. Черный круг

Холод въедался в кости через тонкую полотняную рубаху и шерстяную поневу. Радмира шла по лесной тропе, оставляя на свежевывавшем, тонком слое инея след босых ног. Лес обступал ее, точно живая, враждебная стена. Деревья протягивали ветви-когти, задевали за волосы, шептали на незнакомом, змеином языке.

Впереди шел он.

Князь Нави двигался бесшумно, точно тень. Его тяжелый плащ не задевал кустов, а под сапогами не хрустела ни одна сухая ветка. От него вело таким сильным холодом, что воздух вокруг его фигуры мерцал и густел.

Радмира не взяла с собой ничего, кроме бабкиного ножа с костяной рукоятью и мешочка с заговоренными сушеными травами. Она знала: если он захочет ее погубить, нож не поможет. Но в ней не было смирения. Была лишь дикая, злая решимость и страх — страшный, пьянящий, смешанный с непостижимым притяжением.

Она смотрела на его широкую спину, на темные, смоляные волосы, спускавшиеся до плеч, и не могла понять, почему сердце бьется так неистово. Не от ужаса. Или не только от ужаса.

— Куда ты ведешь меня? — спросила она, когда деревья расступились, открывая хмурое, туманное болото.

— В мое владение, — не оборачиваясь, ответил Яромир. — Туда, где заканчивается свет Яви и начинается вечная ночь.

— Я не останусь там. Я отдам дань кровью, заговорю рубеж и вернусь.

Хозяин Бора остановился. Он резко повернулся к ней. В неверном свете луны его лицо казалось прекрасным и одновременно жутким, как древнее языческое изваяние, омытое жертвенной кровью.

— Ты думаешь, можно однажды коснуться Нави и остаться прежней? — он шагнул к ней, сокращая расстояние между ними до ладони. — Ты уже отравлена ею, Радмира. Твоя мать умерла, когда ты рождалась, потому что в твоё тело вошла сила лесных духов. Твоя бабка всю жизнь прятала тебя, мазала твою кожу соком полыни, чтобы закрыть твой запах от меня. Но теперь ее нет. И ты принадлежала мне еще до того, как сделала первый вдох.

— Врешь! — выдохнула Радмира, сжимая в руке нож.

Яромир медленно поднял руку. Его длинные, бледные пальцы коснулись ее щеки.

Девушка вздрогнула. Его прикосновение было подобно прикосновению льда, но в то же время по ее телу разлилась странная, горячая волна. Там, где его кожа касалась ее, вспыхнуло дикое, болезненное пламя. Вены на ее шее натянулись, просвечивая синевой. Она затаила дыхание, не в силах отшатнуться.

— Чувствуешь? — прошептал он, нагибаясь к самому ее уху. Его дыхание пахло палой листвой и морозной свежестью. — Твоя кровь узнает меня. Мое проклятие и твоя сила — две половины одного ключа. Пятьсот лет я искал ту, чья душа не сгорит от моего прикосновения.

— Ты... ты монстр, — пролепетала она, чувствуя, как слабеют колени.

— Я — охранитель, — жестко отрезал он, и в его голосе звякнула сталь. — Если бы не я, существа из глубин Нави давно сожрали бы твой мир. Стригои, полуденицы, навьи псы — они сдерживаются только моей волей и моей болью. А ты... ты должна стать моим якорем.

Они стояли на краю Черного омута. Вода в нем была черной, точно деготь, и не отражала звезд. В центре омуты возвышался курган, обложенный мшистыми валунами. На них покоились чешуйчатые черепа неизвестных зверей и идолы из темного дуба с выжженными рунами Марены.

— Что я должна сделать? — тихим, смиренным голосом спросила Радмира. В ее душе поднялась буря: страх перед неизвестным боролся с темным, жгучим любопытством и нечаянно вспыхнувшей жаждой узнать этого одинокого, проклятого духа.

— Отдай мне каплю своей жизни, — сказал Яромир, протягивая руку ладонью вверх. — Окропи камни вечного Алтаря. Закрепи договор. И тогда твоя деревня будет спасена на сто лет вперед.

Радмира достала нож. Лезвие блеснуло в лунном свете. Она посмотрела на свои пальцы, затем — в серебряные, тоскующие глаза Князя Нави.

— А что станет со мной?

— Ты будешь ходить между мирами, — ответил он. — Днем ты будешь жить среди людей, если сможешь терзать свое сердце их мелочными заботами. А ночами... ночами ты будешь приходить сюда. Ко мне.

— Это рабство.

— Это любовь, Радмира, — внезапно мягко, с глубокой пронизывающей болью произнес он. — Единственная форма любви, на которую способен тот, у кого застыло сердце. Защити их. Прими меня.

Девушка затаила дыхание. "Любовь?" — мысль обожгла ее разум. Это слово казалось диким здесь, среди болот и идолов смерти. Но смотря на него, на его гордую, одинокую фигуру, сгибающуюся под бременем вечного проклятия, она вдруг поняла: он не выбирал эту тьму. Тьма избрала его, как избрала и ее саму.

Она прижала лезвие ножа к ладони. По белой коже расползлась алая, густая полоса. Кровь капнула на ладонь — горячая, живая, полная света.

Радмира шагнула к Яромиру и приложила раненую ладонь к его груди — прямо туда, где под темным кафтаном должно было биться сердце.

Часть III. Кровь на ледяных камнях

Мир вокруг взрывался.

Едва горячая кровь Радмиры коснулась ледяной ткани его одежд, по воздуху прошла судорога. Черный омут закипел. Из глубин воды поднялись стенания сотни голосов. Руны на дубовых идолах вспыхнули кроваво-красным огнем, заливая болотную поляну зловещим, пульсирующим светом.

Яромир стонал. Его тело сотрясала крупная дрожь. Он схватил ее за запястья своими застывшими пальцами, но не для того, чтобы оттолкнуть, а словно утопающий, цепляющийся за единственную соломинку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.